

Что мы знаем об Африке?

Тема II саммита Россия — Африка не уходит из актуальной повестки дня. Отечественный бизнес обсуждает итоги саммита и оценивает свои возможности для выхода на новый континент. К чему нужно быть готовым?

Об этом беседуем с председателем правления Союза «Африканская деловая инициатива» Наталией ЦАЙЗЕР.

СКРЫТЫЙ ЯЩИК ПАНДОРЫ

— Наталия Гербертовна, что собой представляет Африка и почему её называют континентом будущего?

— Африка — это 54 государства плюс одна непризнанная страна. Страны очень разные по подходам к собственной государственности, по тому, как управляется страна, по этническому составу, клановым связям, климатическим условиям, доступу к воде и т.д. Все эти страны настолько разные, что объединить их невозможно. Так что объединённое понятие Африка — это, скорее, географическая привязка, но никак не политическая, экономическая, социальная.

То, что Африка — континент будущего, признают все. Экономика растёт очень быстро, демографический прирост колоссальный — на сегодняшний день здесь проживает порядка 1,4–1,6 млрд человек, а к 2050 году прогнозируется 2,5 млрд. Это очень серьёзный прирост, это значит, что население континента очень молодое и будет требовать трудоустройства, товаров, услуг, знаний. Это — скрытый ящик Пандоры: молодёжь нужно обучать, создавать рабочие места, чтобы люди не уходили в террористические и экстремистские организации, чтобы не оказывались за чертой бедности, что до сих пор характерно для континента.

— Вы же сказали, там рост экономики.

— Во всех без исключения странах наблюдается рост внутреннего валового продукта (ВВП). Его показатели нельзя сравнивать с европейскими, потому что разный уровень, от которого идёт расчёт, но падения ВВП Африки не наблюдалось даже в период пандемии

коронавируса, когда сократилось финансовое донорство со стороны Европы и Китая. Так что с точки зрения развивающихся стран Африка — самый быстроразвивающийся континент.

В этой связи большой проблемой для дальнейшего развития Африки становится энергетическая бедность. Только 10–15% территории Африки освещено. Значительная часть населения не имеет доступа к электричеству, не имеет энергии для приготовления пищи. Выходят из положения разными методами: если территории имеют выход к морю, то качают нефть с танкеров, стоящих недалеко от берега. Если моря нет, то используют любые методы добывания огня, вплоть до примитивных. При этом у всех африканцев есть мобильные телефоны, мобильная связь и выход в интернет. В этом я вижу целенаправленную работу определённых западных сил, которые оснащают молодое поколение гаджетами, чтобы доносить до них свои задачи и идеи.

Проблема энергетической бедности настолько велика, что к ней приковано внимание всех ведущих мировых акторов. Как правило, все международные корпорации, в том числе нефтегазовые компании, в Африке присутствуют, поскольку континент представляет собой богатейшую кладовую природных ресурсов. Цивилизованный мир склоняет Африку к опережающему развитию «зелёной» энергетики, хотя для Африки это абсолютно не решает вопросов энергообеспечения потребительского спроса. Для широкомасштабного развития ВИЭ здесь есть определённые ограничения, связанные с сейсмическими особенностями континента, отсутствием необходимой инфраструктуры, природными явлениями, не позволяющими

эффективно использовать ветряки и парки солнечных батарей, поэтому Африка продолжает находиться в парадигме углеводородного развития энергетики.

НЕ ЗЕРНОМ ЕДИНЫМ

— **Африка в мире ассоциируется с бедным голодающим регионом. Шумиха вокруг «зерновой сделки» — лишнее тому доказательство. Они там действительно так зависимы от российско-украинского зерна?**

— «Зерновая сделка» — это политический акт и к голоду в Африке отношения не имеет. Не единым зерном жива Африка. Когда на континенте начался ковид, а там он, кстати, начался позже и прошёл менее болезненно и с гораздо меньшей смертностью, чем в других странах и континентах (скорее всего, это связано с адаптацией жителей ко многим местным болезням, в результате чего выработался иммунитет к ковиду), главной проблемой для Африки стало ухудшение экономической ситуации, связанное с ограничением перевозок, товарного обмена, прекращения туристических потоков и т.д.; как следствие, ухудшилась продовольственная ситуация. Но даже тогда африканцы не стали делать из этого трагедию, заявив: не будет у нас зерна, будем печь хлеб из маиса. Я лично говорила с африканцами разного статуса и социального уровня. Они в один голос объясняли: «Вы нас, африканцев, плохо понимаете. Мы научились выживать в любых условиях. Не будет хлеба — найдём чем его заменить». Благо Африка для развития сельского хозяйства очень благоприятный континент.

— **В каких странах Африки представлена Россия?**

— Говорить, что Россия представлена в африканских странах, очень сложно. Скорее, она никак не представлена. Есть какие-то компании, которые работают на африканской земле, имеют своё присутствие (офисы, представительства, персонал, в том числе нанятый, производственную и социальную инфраструктуру) — это «Росатом», «Русал», «Алроса», отчасти «Лукойл», «Роснефть», некоторые другие. Так сложилось исторически, что пока российское государство Африкой не занималось, российский бизнес начал понемногу закрепляться континенте, путём проб и ошибок выстраивать систему взаимоотношений, понимать контекст африканской действительности.

— **На саммите Россия — Африка руководители африканских делегаций в один голос твердили, что очень ждут Россию. На континенте широко представлены многие страны мира — Китай, Индия, Турция, США, государства Европы, даже Куба есть, а зовут нас. Чем мы лучше других?**

— Африка давно зовёт и ждёт Россию. Потому что Россия — единственная страна (за исключением Кубы), которая никогда не имела с Африкой политических противоречий. Мы никогда не выступали колонизаторами, наоборот, участвовали в деколонизационных процессах. Мы всегда помогали и были друзьями с каждой африканской страной. Советский Союз уважал суверенитет африканских государств, считал деколонизацию необходимым условием для социально-экономического развития континента.

Россия никогда не подходила к Африке потребительски. Какие бы ошибки в своей работе не допускали наши производственные компании на территории Африки, это прощалось, потому что потребительского отношения не было. Россия всегда относилась к африканским странам с симпатией, и страны к ней относились также — безотносительно того, кто на тот период стоял у руля российской власти.

Современная Россия может предложить лучшие технологии, мощные проекты, важнейшее сотрудничество в научной, гуманитарной сфере. Африка всё это понимает. Также для стран важен тот факт, что, войдя в игру, Россия диверсифицирует присутствие Китая, который ведёт достаточно агрессивную экономическую политику, Турции и стран — бывших колонизаторов. Для Африки очень важно вновь не оказаться в неокOLONIALИЗМЕ. Поэтому, несмотря на то что Китай крайне положительно воспринимается африканцами как партнёр, выделяющий большие средства на развитие континента, им важен друг, который будет работать с тобой на взаимовыгодных условиях, но без корысти. Этот друг — Россия.

ЭНЕРГИЯ КОНТИНЕНТА

— «Росатом» приступил к строительству атомной электростанции в Египте. Мечтают об атомных станциях и другие африканские страны. Но если говорить о преодолении энергетической бедности, то приоритет, наверное, должен быть отдан тепловой энергетике.

— Тепловую энергетику, безусловно, развивать нужно, запасов угля и газа в Африке достаточно. Тем более Россия со столетним опытом строительства ТЭС и ГРЭС может дать фору любой стране. «Росатом», в свою очередь, обладает лучшими технологиями строительства АЭС. Но делать ставку на развитие атомной энергетики в Африке нельзя, потому что это крайне затратная история, даже если речь идёт о небольшой АЭС. По этой причине египетский проект — это государственная инвестиция, в том числе российская. Намереваясь строить у себя АЭС, каждая страна должна просчитать, потянет ли она этот проект. Ни одна коммерческая структура с ним не справится. В своё время мы обсуждали вопрос об участии Всемирного банка в проекте АЭС «Эль-Дабаа» в Египте. Но ВБ в принципе не финансирует атомную энергетику, а рассчитывать на помощь международных институтов развития не приходится.

Но там, где строительство АЭС возможно, открываются большие перспективы. Энергия египетской АЭС может дотянуться до соседних стран.

Атомная энергетика связана с такими проектами, как Центр ядерных технологий. Это местный проект, он менее дорогостоящий, связан с применением ядерной энергетики в медицине, диагностике, здравоохранении. Это крайне важно для африканцев. Такие проекты не требуют глобального инвестора, но и частного найти для них непросто, особенно когда речь идёт о внутренних ресурсах.

Что касается тепловой, гидро- и даже «зелёной» энергетики, то Россия может построить любую станцию.

— В саммите участвовала делегация из Ливии. Как у нас складываются отношения с этой страной? Заходил ли туда наш бизнес?

— Нет, бизнес не заходил, потому что страна не может дать государственных гарантий безопасности. Пока мы ждём, когда в стране появится какая-то определённая структура. Важно знать, каким образом будут структурированы основы государственности. Нам есть, о чём говорить с Ливией, это крупнейший поставщик нефти на мировой рынок. Нужно поднимать экономику страны, ремонтировать и обновлять инфраструктуру, в том числе энергетическую. И здесь России есть где развернуться. Но вопросы безопасности стоят на первом месте.

— Много ли в Африке государств, где вопросы безопасности решены?

— С каждым годом таких становится всё меньше. Это напрямую связано с геополитическими процессами, в рамках которых страны одна за другой втягиваются во внутренние конфликты — Мали, Судан, Нигер и далее по списку. Есть страны — Габон, Камерун, Уганда, Алжир, Египет, ЮАР (плюс-минус), которые дают гарантии безопасности. Но даже в турбулентных регионах, в том же Судане, работают золотодобывающие компании, при необходимости людей эвакуируют, и ожидать, что там полностью прекратится бизнес, точно нельзя.

— Много ли там прозападного руководства?

— Многие бывшие метрополии оставили своё влияние в африканских государствах, это связано, во-первых, с языком — есть франкоговорящая Африка, англоговорящая, португалоговорящая, много африканских студентов обучались в европейских и американских вузах; вся валюта и все финансовые транзакции, операции идут через европейские банки, прежде всего через банк Франции. Т.е. есть выстроены системы отношений, которые не так просто изменить, поэтому многие африканские лидеры поддерживают линию западных государств, считая себя частью европейской элиты. Эти лидеры обучались в крупнейших западных вузах, и, соответственно, они несут эту культуру. Интерес-

но, что в тех же правительствах есть и наши выпускники, которые до сих пор занимают ключевые посты и которые несут позитив в отношениях с Россией. Но тем не менее, даже прозападные лидеры не брали на себя ответственность осуждать Россию в её противостоянии с коллективным Западом: либо они воздерживались, либо были нейтральны, либо выступали за Россию. Процессы меняются, «тектонические плиты» пошли в другую сторону. Африка очень жёстко пытается освободиться от зависимости. Я думаю, что идёт вторая волна деколонизации, только уже собственными средствами.

ДЕМОНСТРАЦИЯ УСПЕХА

— Почему на саммит не приехали, по разным оценкам, от 6 до 9 стран?

— На Африканском континенте 54 страны, 9 не приехали, это мизер. Надо считать, то, что произошло на саммите, — это успех, ибо были лидеры либо очень серьёзные делегации во главе с премьер-министрами или возглавляемые министрами иностранных дел. Было обеспечено авторитетное государственное присутствие, за исключением стран, у которых нет управляющего органа. Некоторые лидеры не смогли приехать по здоровью, но были и такие, кто не смог принять участие в саммите из-за сильной зависимости от тех, кто пытался этому помешать. В целом же было много народу, состоялись встречи в верхах, были большие дискуссии. Это большой сигнал для наших бывших партнёров.

— Есть ли в Африке наши университеты, вузы?

— Этот процесс, надеюсь, наконец-то будет запущен. Мы много говорили в своё время о том, что там надо открывать филиалы, думать о двойных дипломах, отправлять в африканские страны профессорско-преподавательский состав, растить там какие-то кадры, либо растить здесь, чтобы выпускники возвращались домой и открывали филиалы университетов, в которых они учились. Главное в Африке — локализация производств. Нужны люди, которые могут этим производством руководить и эксплуатировать, строить станки. Наши профтехучилища, формат, который был широко представлен в СССР, для Африки — самая востребованная ниша. Людям необходимо дать технику, на которой они будут получать техническую специальность, специальности в различных секторах экономики по прикладным направлениям — от повара до слесаря-монтажника. На саммите состоялся съезд российских и африканских ректоров университетов. Был достигнут ряд соглашений об открытии филиалов, возможно, и объединённого российско-африканского университета.

— Приглашая к себе российские компании, африканцы понимают, насколько изменился российский бизнес. Там такие акулы, в том числе в энергетическом секторе! Они в ущерб себе работать не будут.

— Если говорить о партнёрстве с серьёзными компаниями, то в Африке есть серьёзные участники. Надо понимать, насколько соглашения и договорённости будут работать в две стороны. Африканцам самое главное — развитие континента: внутриконтинентальной экономики, промышленности, инфраструктуры. Да, в чём-то они уступают европейским компаниям, но с ними работает весь мир, и работает успешно.

— Какой у африканцев темперамент? Сложно ли с ними контактировать?

— Они разные. Очень похожи на нас. Порой медлительны в принятии решений, часто находятся в состоянии метаний, потому что предложений много, пытаются выбрать лучшее и теряются. Африканцы — открытые и дружелюбные люди, очень приветливые, желающие работать. Нужно уметь их слушать. Когда они ставят задачу, надо подумать, как взаимовыгодно её решить, а наши представители иногда слышат только своё и из этого делают неверные выводы. Надо их слушать, исходить из того, что нужно Африке. Когда мы эту связь найдём, тогда найдём правильные подходы, тогда будет успех.

— Лидеры делегаций выражали большую озабоченность миграцией африканского населения в Европу. Они не хотят этого. Почему?

— Они пытаются сохранить своё население. Особенно тревожно, когда уезжают умные, образованные люди, причём уезжают семьями, чтобы не оказаться в зоне турбулентности. Для любого лидера утечка

ресурсов, капитала, людей — это болезненно. Мигранты зачастую ассимилируются в других странах, заводят семьи, ищут работу — хорошо, если успешно, так как в этом случае они начинают взаимодействовать со своей страной, не теряют своих корней, а если неуспешно, то становятся беженцами, что для любой страны достаточно тяжело.

— Почему Россия вдруг заинтересовалась Африкой после такого большого перерыва?

— Да не вдруг. Заметный поворот произошёл в 2016 году на Петербургском экономическом форуме. Мы провели первый круглый стол «Россия — Африка», который вызвал колоссальный интерес. В это время мы осознали, что теряем связь с нашими удобными европейскими партнёрами и что пора внимательнее присмотреться к остальному миру. Все, кто занимался Африкой, в том числе я, давно говорили, что надо обратить должное внимание на этот континент — дружественный нам, готовый с нами работать. Мы объясняли, что мир очень скоро начнёт меняться. Понемногу началось наше возвращение в Африку. Оно было не активным в 2017–2018 годах. Первой точкой, когда мы официально задекларировали, что идём в Африку, был первый саммит Россия — Африка в Сочи. Намерения были хорошие, но, к сожалению, вскоре после первого саммита случился эмоциональный и экономический провал, что было связано с ковидом, потом с началом СВО. Второй саммит оказался более мощным и содержательным, нацеленным не на эмоции и намерения, а на действие. С него, наверное, и стоит брать отсчёт выстраивания российско-африканских отношений.

ЧТО НАДО ЗНАТЬ И ГДЕ ПОЛУЧИТЬ ЗНАНИЯ

— **Министр энергетики России настаивает на том, чтобы российские компании активнее шли в Африку. Что российские бизнесмены должны знать, заходя на континент?**

— Для начала хотелось бы знать, какую поддержку энергетическим компаниям готово оказывать Министерство энергетики. У нас до сих пор нет знаний, как идти, куда идти, что делать. Ни одна наша компания, включая топы, не знает, как там строить бизнес. У нас есть «Лукойл» — им в Африке дали месторождение, дали лицензию, они там копают — и всё. Ни инфраструктурных проектов, ни создания хабов в зоне присутствия «Лукойла». А нужен комплексный подход, нужны сервисные компании, в которых наряду с российскими специалистами будут работать местные, нужны нефтесервисы, электроэнергетическое оборудование, вся разводка, трансформация энергии, вся необходимая инфраструктура. «Лукойл» ничего этого не соз-

даёт, не ведёт за собой. Выходящим на африканские просторы компаниям необходим ликбез. Проводить его должны люди, которые хорошо знают континент, которые занимаются Африкой не один год и могут рассказать компаниям, что такое Африка, что такое энергетическая безопасность и бедность в Африке, в чём Африка нуждается с точки зрения энергоресурсов, устроить бред-стормс с компаниями, как можно реализовать их потенциал, собрать всех сервисников вокруг этих компаний, которые совокупно могли бы в эти страны войти. Вот тогда мы можем говорить о присутствии в Африке. Если Россия вложит свою часть инвестиций в энергокарты Африки или в разводку энергосетей, тогда мы сможем говорить, что Россия идёт в Африку с точки зрения энергетики. Если мы сможем говорить о своих трубопроводах, газопроводах, о строительстве хоть одной серьёзной ГЭС — тогда можно говорить, что мы в Африке. Если мы разработаем карту, где можно построить теплоэлектростанции, реализуя в них возможности наших компаний, обеспечивающих инженерию, поставляющих комплектующие и пр., когда весь наш энергетический паровоз начнёт «входить» по полной, тогда мы можем сказать: «Мы — энергетическая держава, которая присутствует в Африке».

Напомню: на первом саммите наши компании подписали много документов с африканской стороной. Но контроля исполнения решений не было. Никто не потребовал от них доложить, как реализуются принятые соглашения, что будет через год, два? Должна быть стратегия. Сейчас она есть, была подготовлена к саммиту, но она больше декларативная. Нет экономических стратегий от А до Я, а без них мы далеко не уедем — время другое, скорость решений другая. Я считаю, что во главе должен быть человек, курирующий экономическое, гуманитарное и другие направления отношений с Африкой.

У нас есть компании, которые переориентировались на Африку, есть компании, которым сказали перед саммитом войти в Африку, но у нас очень неповоротливая компаративная культура. Наши эксперты привыкли работать с европейцами, в крайнем случае — с Ближним Востоком, более-менее понимают Юго-Восточную Азию, как-то понимают наше евразийское пространство, худо-бедно с господдержкой работают с Китаем. Африка — другая. Большинство институтов не могут перестроиться в одночасье, как бы они ни хотели, у них нет кадров, у них нет компаративной стратегии, как её нет на государственном уровне.

— **Какое впечатление произвёл форум и саммит в целом?**

— Лично — хорошее. Мы по-прежнему с Африкой друзья, Африка по-прежнему нам доверяет, с наде-

ждой на нас смотрит, по-прежнему нас ждёт. Африке есть что с нами обсудить, и она хочет обсуждать. Страны Африки выбирают сторону России, а не тех, кто для них не прозрачен. На политическом уровне они выразили уважение главе государства. Второе — очень много было посвящено экономическому сотрудничеству, безопасности и т.д. Я была на сессии по промышленной кооперации — у нас собрался весь Минпромторг, включая всех замминистров, были также министры четырёх африканских государств, был президент Афрэксимбанка и несколько наших промышленных компаний, из спикеров-компаний были РЭЦ (Российский экспортный центр) и «АвтоВАЗ». Сессия называлась «От технологического суверенитета к промышленной кооперации». Мы можем помочь Африке выйти на технологический суверенитет. Мы обсуждали много проблем, представитель РЭЦ, он же генеральный директор большой страховой компании, призванной страховать риски нашего бизнеса за рубежом, соответственно, в Африке. Такое страхование — большая проблема, наши компании не идут в Африку, потому что они никаким образом не застрахованы, а сейчас надо страховать в первую очередь политические риски, т.к. любая политическая турбулентность — это потеря инвестиций, ресурсов, людей. Очень интересный разговор состоялся с президентом Афрэксимбанка Бенедиктом Окей Орамой. Он говорит: «Мы по рукам и ногам связаны, у нас санкции, СВИФТ заблокирован, мы можем много говорить о бизнесе, но что делать, когда ни счета российские,

ни валюта, ни доллар — ничего не работает. Надо искать оптимальные решения». «АвтоВАЗ» рассказал о работе с Египтом. Концерн поставляет в Египет несколько тысяч автомобилей, очень успешно, сейчас будут расширять, и, конечно, они будут решать вопросы локализации производства, обучения персонала и так далее. Наши машин в Африке много с советских времён. До сих пор в аэропорту встречают «шестёрки» и «тройки» «Жигулей». Огромной популярностью пользуется «Нива» — она считается в Африке лучшим автомобилем.

Надо сказать, что Минпромторг при министре Мантурове Африке уделяет большое внимание. Более десяти лет назад на «Иннопроме» они уже провели африканскую сессию, на которую приехал Дмитрий Медведев, который на тот момент был президентом России.

— Так будет сдвиг в российско-африканских отношениях?

— Мне кажется, у нас нет иного выбора. Если мы хотим встраиваться в парадигму мира, значит, этот мир мы вместе и построим. Африка будет ключевым центром этого мира. Сейчас в Африке — попытка самоопределения, и она будет только разрастаться. В конце концов, мы увидим континент абсолютно обновлённым.

— Спасибо за интервью!

Беседовала Людмила ЮДИНА

